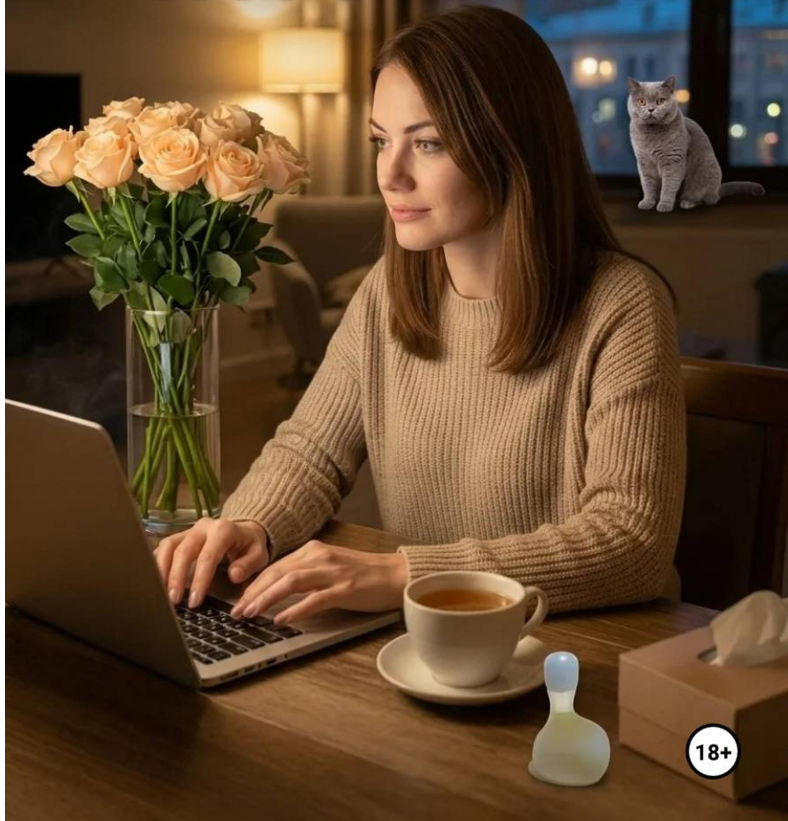

Вера Апсарова

*Я напишу
себе счастье*

18+

Вера Апсарова

Я напишу себе счастье

<https://litres.ru/74070644>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — писательница, которая давно забыла, что такое вдохновение. Он — её первая любовь, исчезнувшая двадцать три года назад. У неё — муж, уютный дом, скучная жизнь «как у всех» и боль, которую она носит в себе: она не может иметь детей.

Случайная встреча в отеле переворачивает всё. Он узнаёт её по аромату тех самых духов, что подарил ей на пятинадцатилетие. Прошлое врывается в настоящее, и Нина понимает: она так и не перестала ждать.

Нина думала, что эта встреча — шанс. Начать заново. Дописать ту историю, которую они не дописали тогда. Но у их любви есть обратная сторона: его гордыня, её страх, его упёртость, её нежелание что-то менять. Они уже не подростки, которые целовались в парадной. Они взрослые люди, со своим прошлым и настоящим, которое никуда не денешь.

Сможет ли она перестать плыть по течению и начать выбирать? Или счастье — это то, что нужно не искать, а писать самой?

Содержание

Глава 1. Разговор в кафе	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вера Апсарова

Я напишу себе счастье

Глава 1. Разговор в кафе

Я смотрела на сестру — она сидела напротив, откинувшись на спинку стула, в руке дымился кофе. На улице был конец апреля. Я пила чай, грела ладони о кружку.

— Для матери троих детей просто пойти посидеть в кафе — это побег, — Яна отставила чашку. — Пока я ехала, три раза ловила себя на мысли, что забыла кого-то дома. Детей, совесть, голову Короче, если меня начнут искать — не сдавай.

— Так я тебя давно звала!

— Спасибо, что позвала. Правда.

Яна выдохнула, и напряжение ушло с её плеч. Она провела рукой по волосам, расслабленно откинулась на стуле.

— Ян, а я тебе завидую, — вырвалось у меня. — Дети, дом — полная чаша. А у меня — я вздохнула, машинально скрутила салфетку в тугой рулон — бесконечное колесо сансары. Переводы днём, пустая глава вечером. Одна йога вносила хоть какое-то разнообразие, да и та уже становится похожей на «день сурка» — только без Билла Мюррея.

Яна поперхнулась кофе. Закашляла, прикрывая рот ладонью.

— Серьёзно? Нин, окстись! — Она подалась ко мне через стол, сверкая глазами. — Это я и миллионы таких же задолбаных мамаш тебе завидуют белой завистью!

Яна загибала пальцы, отбивая каждый пункт:

— Жизнь для себя! Не для того, чтобы вовремя накормить, умыться, уложить, проверить уроки, погладить форму, купить мазь свекрови Второй палец: муж, который тебя поддерживает, а не орёт на тебя с порога. Третий: успешная писательница, блин, Ланская! Тусовки, презентации, поклонники, которые пишут тебе письма! Четвёртый: путешествия! Полмира, Нин, вы объездили! А я последний раз в Турцию летала пять лет назад и полдня отмокала в бассейне с младенцем на руках, потому что сын наконецто уснул.

— Путешествия — это осталось в доковидных временах, — вздохнула я, машинально поправляя манжету блузки.

— Так ты по России гоняла! — не сдавалась Яна. — Вон в Сочи каждый год моталась. Дышать морем, чувствовать себя человеком

— А толку? — перебила я. — Каждый год одно и то же: серое море, дожди, снег иногда. Да, бывало солнце, и деревья стояли зелёные. Сначала красиво, а потом уже не замечала. Да и с Матвеем — он в телефоне, я в телефоне. Только кофе вместе пили. Ну и погода лучше, чем в Питере зимой. Это да.

Яна хмыкнула, покрутила ложечку в чашке.

— Ну хоть погода. — Она отпила кофе, поставила чашку, посмотрела на меня в упор. — Не знаю, мать, помоему, ты чутка зажралась.

Я молчала. Может, она и права. Но внутри всё равно глодало.

— Просто хотела сказать, что счастья это не добавляло, — произнесла я тихо, глядя в чашку. — Ян, я завидую вашей с Димой страсти. Как он тебя за талию подхватывает, когда вы смеётесь Цветы тебе носит!

Яна фыркнула, откинула прядь волос со лба. — Когда на-косячит. Отношения у нас — как на вулкане. То с бабой застану, то в бане пропадал трое суток. Ссорились, мирились, разводились, сходились. Бурный секс — только когда неделю орали друг на друга. А в остальное время — два соседа по коммуналке.

Она отпила кофе, поморщилась. — Твой Матвей пылинки с тебя сдувает. Он хоть раз тебе изменил? Наорал?

Я молчала, провела пальцем по краю чашки. Матвей — идеальный муж. Надёжный, спокойный. Но почемуто этого никогда не было достаточно.

— У вас с Матвеем чтото не то в постели? — впилась в меня взглядом Яна, прищурившись. — Всё в порядке. Как обычно. — Ну а что тогда? — Не знаю, — сказала я, поднимая глаза. — Страсти нет. Те же позы по субботам, тот же оргазм в одно и то же время.

— Ну а что тогда? — не отставала Яна. — Что за апатия? Ты его разлюбила? Вроде выходила замуж не по расчёту.

Я посмотрела на неё и не знала, что ответить. Как объяснить то, что я сама не понимала? Что я не знала, люблю ли Матвея? Что я не была уверена, любила ли его вообще? Или просто позволяла себя любить?

Яна молчала. Прищурилась, постукивала пальцами по столу. Ждала. Но я не добавляла ни слова.

Тогда она откинулась на спинку стула, покачала головой, и в голосе её вдруг прорезалось чтото жёсткое: — Страсть ей подавай! — голос Яны дрогнул. — Была у тебя страсть. Ты тогда чуть руки на себя не наложила.

Она замолчала. Мы обе знали, про кого она говорит. Про Максима Князева.

Любовь к нему мне пришлось заморозить в самом укромном уголке души. Не просто убрать в морозилку — залить жидким азотом, чтобы наверняка.

Только покрывшись за годы толстым слоем льда, она пе-

рестала нить и резать. Перестала напоминать о себе каждую ночь. Почти перестала.

— Это не страсть была, — тихо сказала я. — Любовь.

— Ну и что? — Яна устало махнула рукой. — Была — прошла. У всех бывает.

— А у тебя прошла? — Притёрлись, стерпелосьлюбилось, — отрезала она. — Это жизнь.

Яна вдруг хитро прищурилась, наклонилась ближе. — Судя по твоей последней книге, со страстью у тебя всё в порядке. Или Матвей не так скучен в постели, как ты говоришь?

Я почувствовала, как краснею, сжала край салфетки. — Ян! — Что Ян? — Яна откинулась на стул, сложила руки на груди. — Сцены там такие подробные. Так не пишут, если только «те же позы по субботам». — Она прищурилась, сверлила меня взглядом. — Колись, где берёшь вдохновение?

— Я же говорила — из «писательского астрала» приходит. — Ага, конечно, — усмехнулась Яна. — Из мира розовых единорогов! — Что ты смеёшься! — сказала я, и в голосе проскользнула обида. — Многие писатели это подтверждали. Элизабет Гилберт, например, об этом книгу написала. «Большое волшебство» называется. Что идеи живут своей жизнью. Приходят к тем, кто готов их принять. Если отмахиваешься — уходят к другому. — Ну ну, — протянула Яна, закатывая глаза.

— Ты помнишь мою последнюю книгу? — Я посмотрела на неё в упор. — Я написала её за два месяца. На одном ды-

хании. Будто кто-то сидел у меня в голове и надиктовывал. Слово за словом. Я просто успевала записывать. Вот по книге, кстати — я тяжело вздохнула. — Я подписала контракт на новую книгу. Бумажную. — Ну так это классно же! — Яна всплеснула руками, едва не опрокинув чашку. — Чего вздыхаешь опять, царевна-несмеяна? Я б на твоём месте плясала от счастья. — Предоплата уже закончилась, — глухо сказала я, глядя в окно. — А вдохновения — ноль. Сюжет разваливался, герои какие-то плоские, картонные. Я сидела за ноутбуком по ночам, пялилась в пустой лист и ненавидела себя за то, что не могла написать даже строчки.

Я подняла глаза на сестру и увидела, как сползла улыбка с её лица. — Издательство звонило каждую неделю. Редактор уже намекал, что если через месяц не будет хотя бы половины, придётся возвращать деньги. А у меня их нет, Ян.

В горле пересохло. Я отпила остывший чай, который уже начал горчить. — И чё, — Яна прищурилась, но теперь в её голосе не ехидство, а осторожность, — этот астрал твой он что, на обед перерыв устроил? — Смешно ей. Раньше всё легко приходило, а тут — будто кран перекрыли. — Откроют ещё! — сказала Яна. — Слушай, а может, тебе любовника завести?

Я поперхнулась чаем, закашлялась, прикрывая рот..

Яна ухмыльнулась, откинулась на стуле, явно довольная своей шуткой. Но в глазах читалось что-то ещё — будто она всерьёз предлагала вариант.

— Ты ты серьёзно? — я сжала салфетку в кулаке, чувствуя, как краснеют щёки. — Мне под сорок, муж, кредиты Да это же безумие какое-то!

— Вот когда всё плохо, нужна встряска! Чтоб ночами не спать! Чтоб сердце забилось, чтоб писать хотелось!

— Я и так ночами не спала. В пустой лист смотрела.

— Ну вот видишь! А был бы любовник — занималась бы по ночам полезным делом! И вдохновение потерянное, глядишь, нашлось бы.

— Ян, да кому я нужна?

— Ну вот, уже торгуешься и напрашиваешься на комплименты, — усмехнулась она. — Мужикам разные нравятся. Милфы тоже! Судя по просмотрам и комментам на сайтах для взрослых.

— Ты издеваешься? — я опустила глаза, теребя край скатерти.

— Ой, скромняжка наша, — Яна подмигнула, но тут же смягчилась. — Ладно, я пошутила. Ну не дуйся, Нин.

Она протянула руку через стол и сжала мои пальцы.

— Так что на день рождения? — Яна болтала ложечкой в чашке. — Может, отметим? Я торт испеку, детей сплавим

— Ты же знаешь, я ненавижу эту дату.

Яна перестала мешать чай. Ложечка замерла в её пальцах.

— Ты же мне сто раз говорила, что забыла его, — тихо сказала она, вглядываясь в моё лицо. — Что всё в прошлом.

Я отвела взгляд к окну. За стеклом шёл поток людей —

кто-то спешил, кто-то медленно прогуливался, парочки держались за руки. *Забыла? Или просто загнала поглубже?*

— Да, — ответила я слишком поспешно. — Забыла. Абсолютно равнодушна. — Голос прозвучал ровно, но я невольно сцепила пальцы на коленях, стараясь унять дрожь.

— Ну и чего тогда?

— Я просто не люблю этот день.

Яна посмотрела на меня. Не поверила, но не стала давить.

— Слушай, — Яна вдруг подалась вперёд, опираясь локтями на стол, и я узнала этот блеск в глазах. — А ты не искала его? В соцсетях? — Она понизила голос, хотя вокруг никого не было. — Интересно же, как он сейчас. Наверняка лысый. С пузом пивным.

— Искала одно время — слова вырвались прежде, чем я успела их остановить. Я тут же пожалела, закусил губу. — Не нашла, — добавила тише, разглядывая узор на скатерти. *«К счастью или к сожалению?» — пронеслось в голове.*

Яна вскинула бровь, но я сделала вид, что не заметила. Взяла чашку. Отпила остывший чай.

— А вдруг он успешный бизнесмен? — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легкомысленно. — Богатый. Бегает по утрам, йогой занимается. Примерный семьянин. Кошку завёл.

— Князев? Кошку? — Яна вытаращилась на меня, потом откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. — Ты помнишь нашу Муську? Он тогда говорил: «Зачем вам эти

проблемы? Всех уличных кошек не спасёшь!»

— Может, изменился — пожалала я плечом, хотя сама не верила. — Всётаки двадцать три года прошло, Ян. Целая жизнь. Мы тогда детьми были! Глупыми. Максималистами Яна фыркнула. Закатила глаза.

— Ага, арка героя, как в твоём романе? — Она приняла свою любимую позу «адвоката дьявола»: пальцы сцеплены, локти на столе, подбородок на кулаках. — Нинчик, в жизни не так. Люди не меняются. А если и меняются — то в худшую сторону.

— Ой, ладно, — отмахнулась я, чувствуя, как начинает колотиться сердце.

— Нин! — Яна вдруг оживилась, глаза снова загорелись. Она пододвинулась ближе, почти касаясь моей руки. — А представь: может, вы ещё столкнётесь. Случайно. Гденибудь.

— Как мы столкнёмся? — Я скривила губы в усмешке, но вышло невесело. — Он в Москве.

— А вдруг приедет? — Яна улыбнулась. — Ты же знаешь, как это работает. Будешь идти домой в растянутых трениках, с немой башкой, с пакетом из «Пятёрочки» — а там огромный пак туалетной бумаги сверху. И он. Навстречу. Весь в дорогом пальто, с кожаным портфелем, при галстуке.

— Перестань, — поморщилась я.

— А что? — Яна развела руками. — Закон подлости. Ты двадцать лет собираешься при параде — ноль. А тут выскочила за хлебом — и бац!

Я невольно улыбнулась, хотя внутри всё сжималось. Потому что она была права. Потому что именно так и случится, если вообще случится.

— Как мы столкнёмся, — сказала я, отворачиваясь к окну. — Он в Москве. А ты знаешь, как я к ней отношусь.

Яна помолчала секунду. Потом сказала тихо, почти ласково — но в этой ласке чувствовался коготок:

— Уж не потому ли ты ненавидишь Москву, что туда сбегал Князь?

— Да нет, — ответила я слишком быстро. Сложила руки на коленях, сжала их, стараясь унять волнение. — Просто бесит. Суета. Гонка. Небоскрёбы эти, однообразная архитектура. Неба не видно. Питер — он живой, дышит. А Москва — Я подняла глаза на Яну. — Как будто у неё нет души. Только циферки на банковском счёте.

Яна смотрела на меня долго. Так, что я начала ёрзать.

— Нуну, — протянула она наконец. Голос был недоверчивым, с ленцой. Она взяла свою чашку, сделала глоток уже давно остывшего кофе и поморщилась. Но спорить не стала.

— Слушай, может, по бокальчику? — предложила я.

— Конечно! Я сегодня в загуле. Мне, между прочим, положено вести богемный образ жизни — сестра писательница!

Мы заказали вино. За окном светило солнце, в кафе зажигали свечи.

— Мне кажется, — сказала Яна, отпивая из бокала, —

если бы вы с Князем поженились, вы бы давно развелись.

— Это почему?

— Он бы измучил тебя своими загулами, — продолжила Яна, отпивая вино. — Это ж Князь. Ему бы лишь бы погулять, по тусовкам, с друзьями. А ты бы сидела дома, ждала, ревновала. Нервы себе выматывала. Ты бы вкалывала за двоих и сама ушла в итоге.

Я молчала. Она была права. Как всегда.

— Так что, — Яна подняла бокал, глядя на меня поверх стекла, — считай, что тебе повезло. Не с ним — с Матвеем. Спокойный, надёжный. Не гуляет. Зарабатывает. Не много, но вам ведь хватает.

Я согласно кивнула. Кивнула, потому что так надо. Потому что она говорила то, что я и сама знала, но не хотела слышать.

Яна удовлетворённо улыбнулась и сделала ещё глоток вина. А я смотрела в свой бокал, на розоватые отблески свечей на стекле, и думала: почему же тогда так тоскливо? Почему «хватает» — это не то же самое, что «я счастлива»?

Я не сказала Яне, что Князев часто снился мне. Что в этих снах — другая жизнь. Где мы вместе. Где он пришёл на мой день рождения. Где мы ссоримся и миримся. Где я читаю ему свои романы.

Я не сказала, что иногда, когда Матвей в командировках, я включаю медляки из девяностых, танцую одна на кухне и чувствую его руки на своей талии.

— Нин, — Яна дёрнула меня за рукав. — Ты меня слушаешь?

— Слушаю. Ты права. Всё к лучшему.

Она посмотрела на меня. Не поверила. Но не спросила.

Допила вино, встала.

— Мне пора. Дети.

Мы вышли из кафе.

Вечерний Питер встретил нас тёплым ветром. Мы шли по набережной, держась за руки, смеялись. В воздухе пахло весной.

Яна проводила меня до станции метро, обняла на прощание и пошла своей дорогой.

Дома я не включила свет. В спальне было тихо — Матвей уже спал. Я прошла в гостиную, села на подоконник, смотрела на ночной город. Барсик тёрся о ноги, орал так, будто его неделю не кормили. Насыпала корм.

Вернулась на подоконник. Барсик, уже сытый, умылся, запрыгнул на колени, включил «моторчик». Я погладила его, но мысли всё ещё были там — в том разговоре в кафе.

Взяла телефон. Экран загорелся — почти полночь. «Что я делаю?» — мелькнуло, но я уже вбила: «Максим Князев».

Сотни результатов. Однофамильцы, тёзки, чужие лица. Листала механически: пятую страницу, десятую, двадцатую

Его не было.

Я смотрела на погасший экран. Облегчение — не надо ничего решать, не надо сталкиваться с прошлым. И пустота.

Будто упустила что-то важное, сама не зная что.

Убрала телефон, погладила Барсика.

«Надо оставить прошлое в прошлом», — подумала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.